Город, который помнил

Сборник рассказов

София Белкова

София Белкова

Город который помнил

https://litres.ru/74659914
SelfPub; 2026

Аннотация

Ева Ланская реставрирует старые книги и не помнит первых десяти лет своей жизни. Однажды в её мастерскую приходит рукопись без автора — книга, в которой город возвращает людям письма, комнаты, имена и последние слова.

Каждая новая история приближает Еву к тайне собственной смерти. Она узнаёт, что когда-то носила другое имя, что её жизнь была спасена ценой чужой жизни, а город хранит память всех, кто не смог отпустить прошлое.

Содержание

Аннотация 5
Содержание 6
Пролог. Город не спит 7
Рассказ первый. Письмо, которое пришло через двадцать лет 9
Рассказ второй. Комната на третьем этаже 21
Рассказ третий. Человек без тени 30
Конец ознакомительного фрагмента. 36

София Белкова
Город который помнил

Город, который помнил
София Белкова

Аннотация

Ева Ланская реставрирует старые книги и не помнит первых десяти лет своей жизни. Однажды в её мастерскую приходит рукопись без автора — книга, в которой город возвращает людям письма, комнаты, имена и последние слова.

Каждая новая история приближает Еву к тайне собственной смерти. Она узнаёт, что когда-то носила другое имя, что её жизнь была спасена ценой чужой жизни, а город хранит память всех, кто не смог отпустить прошлое.

Чтобы вернуть себе право жить, Еве придётся встретиться с Марой — девочкой, которой она была, с Серафимой — той, кто её спасла, и с городом, который считает, что целого человека можно сохранить только одним именем.

Содержание

Пролог. Город не спит
Рассказ первый. Письмо, которое пришло через двадцать лет
Рассказ второй. Комната на третьем этаже
Рассказ третий. Человек без тени
Рассказ четвёртый. Архив под водой
Рассказ пятый. Магазин забытых вещей
Рассказ шестой. День без солнца
Рассказ седьмой. Сад имён
Рассказ восьмой. Последний трамвай
Рассказ девятый. Палата 6
Рассказ десятый. Дом № 6
Рассказ одиннадцатый. Последняя страница
Эпилог. Город учится забывать

Пролог. Город не спит

Город начинал вспоминать по ночам.

Днём ему было некогда. Днём он торопился вместе с людьми: гремел трамваями, глотал автомобили, выпускал из метро толпы уставших пассажиров и прятал их обратно в подъездах, офисах, больницах и квартирах. Днём никто не замечал, что некоторые окна загораются раньше, чем в них включают свет, а некоторые двери открываются навстречу тем, кто ещё не успел к ним подойти.

Ночью всё менялось.

Когда закрывались последние булочные, когда дворники переставали толкать по асфальту жёлтые щётки, когда в окнах оставались только редкие прямоугольники бессонницы, город начинал прислушиваться к себе.

Он вспоминал голоса.

В старом доме на улице Кузнечной лестница иногда отзывалась шагами человека, умершего сорок лет назад. В переулке за вокзалом по четвергам пахло мокрой шерстью и яблочным пирогом — так пахла кухня одной женщины, которая уехала отсюда в 1987 году и больше никогда не возвращалась. А на остановке возле реки по ночам появлялся автобус, снятый с маршрута ещё до рождения большинства его пассажиров.

Впрочем, город не считал это странным.

Странным было другое: люди тоже начинали вспоминать.

Кто-то просыпался с чужим именем на губах. Кто-то находил в кармане билет на поезд, который давно ушёл. Кто-то вдруг понимал, что много лет живёт в квартире, где никогда не был счастлив, — и не мог объяснить, почему только сегодня это стало очевидным.

Город никого не заставлял вспоминать. Он просто возвращал то, что ему однажды доверили.

А доверяли ему многое.

Невысказанные признания. Письма, которые не отправили. Детские обещания. Последние слова у больничных коек. Имена людей, которых хотели забыть, но произносили про себя перед сном.

Город хранил всё.

Он хранил даже то, чего не было.

Особенно хорошо — именно это.

Рассказ первый. Письмо, которое пришло через двадцать лет

В тот день почтальон Николай Андреевич опоздал на работу впервые за тридцать семь лет.

Он проснулся в шесть минут восьмого, хотя обычно открывал глаза за минуту до будильника. В комнате было темно, и сперва ему показалось, что он всё ещё спит. Потом он услышал, как на кухне капает кран, и понял: утро действительно наступило.

Николай Андреевич сел на кровати и долго смотрел на часы.

— *Вот так, — сказал он.*

Часы показывали 7:06. Он всегда просыпался в 6:05.

Разница в одну минуту казалась ему неприятной, почти неприличной. За одну минуту можно было не успеть перейти улицу, услышать последние слова, ответить на телефонный звонок. За одну минуту поезд мог исчезнуть за поворотом.

Он оделся, не завтракая, и вышел из дома.

На улице шёл мелкий дождь. Весна в этом году никак не могла решить, чем ей быть: зимой, осенью или настоящей весной. На тротуарах лежали серые островки снега, а под крышами уже звенели первые капли.

Николай Андреевич поднял воротник пальто и пошёл к отделению связи.

Он работал на одном и том же участке почти сорок лет. За это время изменились номера домов, вывески магазинов,

лица жильцов и даже почтовые ящики. Только сам маршрут оставался прежним: сначала улица Кузнечная, потом переулок Рябиновый, затем дома у реки и, наконец, старый вокзал.

Почтальон знал этот район лучше, чем собственную квартиру. Он знал, в каком подъезде не закрывается дверь, у кого из жильцов родился ребёнок, кто ждёт пенсию, кто получает письма только из налоговой, а кто каждый месяц пишет себе сам — чтобы не разучиться ждать ответа.

В тот день конверт появился в его сумке сам.

Николай Андреевич заметил его около полудня, когда остановился у дома номер восемь на улице Кузнечной. Он проверял квитанции и вдруг увидел среди газет и рекламных листов белый конверт.

Конверт был старый. Бумага пожелтела по краям, но не от времени — скорее от постоянного прикосновения. На лицевой стороне аккуратным почерком было написано:

Николаю Андреевичу Воронцову лично, не вскрывать до 19 октября

Он перевернул конверт.

На обороте стоял штамп отделения связи, которого не существовало уже двадцать лет.

Николай Андреевич почувствовал, как у него холодеют пальцы.

На штампе читалась дата: 19 октября 2006 года.

Он посмотрел на часы. Было 12:17.

Сегодня было 19 октября 2026 года.

— Не может быть, — тихо сказал он.

Рядом проехал трамвай. В его окнах отражалось серое небо, и на мгновение Николаю Андреевичу показалось, что один из пассажиров смотрит прямо на него. Это была женщина в тёмном пальто, с короткими светлыми волосами.

Он узнал её.

Но трамвай уже исчез за поворотом.

Письмо он положил во внутренний карман и весь оставшийся маршрут прошёл, не чувствуя под ногами тротуара.

В шесть вечера он вернулся домой. Разулся, снял пальто, поставил чайник и только потом достал конверт.

Жил он один. Квартира была небольшой, на втором этаже старого дома. В гостиной стоял книжный шкаф, который давно пора было заменить, но Николай Андреевич не решался. За стеклом, на верхней полке, хранилась коллекция почтовых марок его жены.

Лидия умерла девятнадцать лет назад.

Он не любил говорить об этом даже мысленно, хотя мысленно говорил с ней почти каждый день. Иногда рассказывал, что видел на работе. Иногда жаловался на соседей. Иногда спрашивал, что приготовить на ужин, — и сам же отвечал, что снова гречку.

Но в последние годы Лидия почти не приходила в его мысли.

Он боялся, что однажды она исчезнет совсем.

Николай Андреевич сел за кухонный стол и вскрыл конверт.

Внутри лежал один лист.

Почерк был знакомым.

Он узнал его сразу — по чуть заметному наклону букв, по длинным хвостам у «у» и по тому, как в слове «люблю» буква «л» поднималась выше остальных.

Письмо начиналось без обращения.

Сегодня я видела тебя у вокзала. Ты стоял у газетного киоска и держал в руке букет. Я поняла, что ты всё-таки пришёл.

Я не подошла.

Не потому, что разлюбила.

Потому что если бы подошла, то осталась бы.

Николай Андреевич перестал читать.

Он встал, открыл окно и несколько раз глубоко вдохнул. В кухню вошёл холодный воздух, запах мокрого асфальта и далёкий гул трамвая.

Потом он снова сел.

Ты всегда думал, что я ушла из-за другого человека. Пусть так. Иногда человеку легче злиться, чем принять правду.

Я ушла потому, что боялась увидеть, как ты перестаёшь быть собой.

Ты говорил, что после выхода на пенсию мы уедем к морю. Потом говорил, что останемся и заведём собаку. Потом ты перестал говорить о будущем. Ты начал жить так, будто

каждое утро — это только продолжение вчерашнего.

Я не смогла смотреть, как ты исчезаешь рядом со мной.

Поэтому исчезла первой.

Николай Андреевич положил письмо на стол.

В этот момент чайник закипел.

Он не выключил его. Вода с шипением билась о крышку, выплёскивалась на плиту. Но почтальон смотрел только на лист бумаги.

Двадцать лет назад, в последний день перед исчезновением Лидии, они действительно должны были встретиться у вокзала.

Николай Андреевич купил букет белых астр. Он хотел предложить ей начать всё сначала. Он ждал у газетного киоска до половины шестого, потом ушёл, решив, что Лидия не пришла.

Тогда он ещё не знал, что она стояла в тридцати шагах от него.

Он прочитал письмо до конца.

Я пишу это письмо и не знаю, дойдёт ли оно до тебя. Если дойдёт, значит, город всё ещё помнит нас обоих.

Не ищи меня.

Но если когда-нибудь увидишь трамвай без номера, зайди внутрь. Я буду на последнем сиденье.

Лидия.

Николай Андреевич перечитал последнюю строку трижды.

Потом посмотрел на дату.

19 октября 2026 года.

Он достал из шкафа старую коробку, где хранились документы и фотографии. На дне лежал билет — бумажный, с выцветшими синими полосами. Николай Андреевич хранил его двадцать лет и ни разу не спрашивал себя, почему.

Билет был на трамвайный маршрут номер семь.

Маршрут закрыли в тот же день, когда исчезла Лидия.

За окном раздался звонок.

Не обычный трамвайный звонок. Этот звук был мягче, ниже, будто вагон ехал не по рельсам, а по воде.

Николай Андреевич встал.

На улице уже стемнело. Между домами двигался трамвай. На его передней панели не было номера. Внутри горел тёплый жёлтый свет. Все окна были запотевшими, кроме одного — последнего.

У последнего окна сидела женщина в тёмном пальто.

Короткие светлые волосы. Руки сложены на коленях. Лицо повернуто к стеклу.

Лидия.

Николай Андреевич выбежал из квартиры, не заперев дверь.

Трамвай остановился у перекрёстка. Двери открылись без шипения.

Он поднялся по ступеньке.

Внутри пахло мокрой шерстью, железом и яблочным пи-

рогом.

Пассажиров было немного. Девушка с книгой, мальчик в красной куртке, старик с букетом белых астр. Николай Андреевич прошёл в конец вагона.

Лидия сидела у окна.

Она постарела. Конечно, постарела — ей должно было быть шестьдесят восемь. В волосах серебрились пряди, лицо стало тоньше. Но улыбка осталась прежней.

— Ты опоздал, — сказала она.

Николай Андреевич не смог ответить.

Он сел рядом.

За окном поплыли знакомые улицы. Только дома стояли не там, где должны были. Впереди мелькнуло отделение связи, закрытое в 2006 году. Потом — их первая квартира, хотя её снесли ещё до рождения их сына. Потом — набережная, где они встретились впервые.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Туда, где ты всё ещё можешь выбрать.

— Я хочу домой.

Лидия посмотрела на него с грустью.

— Ты уже двадцать лет называешь домом место, из которого ушёл.

Он закрыл глаза.

Трамвай замедлился. Вдалеке показался вокзал. Такой, каким он был в 2006 году: с зелёной вывеской, с газетным киоском и часами над главным входом. У киоска стоял мо-

лодой мужчина, держа в руках букет белых астр.

Николай Андреевич узнал себя.

Молодой человек нервно поглядывал на часы. Он ещё не знал, что Лидия пришла. Ещё не знал, что она будет стоять за его спиной. Ещё мог повернуться.

— Выйди, — сказала Лидия.

— А ты?

— Я уже выходила.

Двери открылись.

Николай Андреевич спустился на платформу. Молодой он стоял всего в нескольких шагах, живой, злой и растерянный. За его спиной появилась Лидия — такая, какой была тогда.

Николай Андреевич понял, что может окликнуть себя.

Может сказать: «Повернись». Может остановить всё. Может вернуть двадцать лет.

Он открыл рот.

Но увидел взгляд молодого человека — полный надежды, страха и гордости. И вдруг понял, что нельзя спасать прошлое, не разрушив настоящее.

— Николай, — позвала Лидия из дверей трамвая.

Он обернулся.

— Ты хочешь остаться?

Он посмотрел на себя молодого. На Лидию. На вокзал, который больше не существовал. На город, который держал их за руки, не позволяя разойтись.

— Нет, — сказал он.

Лидия улыбнулась.

— *Тогда скажи это правильно.*

Николай Андреевич вдохнул.

— *Я прощаю тебя.*

Он хотел добавить: «И себя тоже». Но не успел.

Вокзал исчез.

Трамвай снова оказался на улице. Дождь стучал по окнам, фонари растекались в стекле длинными жёлтыми полосами.

Лидии рядом не было.

На сиденье лежал букет белых астр.

Когда Николай Андреевич вышел, трамвай уже исчез. На рельсах не осталось ни капли воды, хотя дождь продолжал идти.

Он вернулся домой пешком.

Дверь квартиры была открыта. На кухне остыл чайник. Письмо лежало на столе, но дата на штампе изменилась.

Теперь там стояло: 19 октября 2046 года.

Николай Андреевич взял лист, сложил его и убрал в ящик, где хранил фотографии.

На следующий день он пришёл на работу вовремя.

Коллеги заметили, что он постарел за одну ночь. Сам он ничего не объяснял. Только попросил выдать ему новый маршрут.

— *Куда? — спросила начальница.*

Николай Андреевич посмотрел в окно.

По улице проходил обычный трамвай с обычным номе-

ром. В нём ехали люди, которые ещё не знали, что город уже начал их вспоминать.

— На Кузнечную, — сказал он. — Я давно там не был.

А в тот же час на другом конце города реставратор Ева Ланская открыла дверь своей мастерской и увидела на столе незнакомую рукопись.

На обложке не было названия.

Только имя.

Её имя.

Рассказ второй. Комната на третьем этаже

Ключ нашёлся между страницами.

Ева заметила его не сразу. Сначала ей показалось, что из переплёта выпал кусок потемневшей проволоки. Она наклонилась над столом, сняла очки, протёрла стекло рукавом и только потом увидела маленький латунный ключ.

Он лежал в углублении между форзацем и корешком рукописи, будто его спрятали туда намеренно.

Рукопись была толстой — не меньше четырёхсот страниц. Бумага разного качества, чернила нескольких оттенков, листы сшиты неровно. У некоторых страниц отсутствовали номера. На других цифры были написаны карандашом, но шли не по порядку: 3, 4, 5, 19, 20, 21, а потом снова 6.

Ева реставрировала книги двенадцать лет и привыкла к чужим ошибкам.

Но эту рукопись не ошибали.

Её собирали.

Ключ был короткий, с круглой головкой и двумя глубокими насечками. На металле виднелась царапина — тонкая, похожая на букву «Л».

Ева подняла его пинцетом и положила на белую ткань.

В этот момент за стеной кто-то постучал.

Три раза.

Ева замерла.

Мастерская находилась на третьем этаже старого доходного дома. За стеной был соседний коридор, а за коридором — глухая кирпичная кладка. По крайней мере, так показывал план здания, который Ева видела в архиве.

Стук повторился.

Три коротких удара. Пауза. Ещё три.

Она сняла с крючка связку инструментов и подошла к стене.

— Эй? — сказала Ева.

Ответа не было.

Только тихий звук, будто кто-то провёл ладонью по обоям с другой стороны.

Ева постояла ещё немного, затем вернулась к столу.

Ключ исчез.

Она проверила пол, открыла ящик, заглянула под рукопись. Ключ лежал на прежнем месте — поверх белой ткани, только теперь на его бородке выступила капля воды.

Ева коснулась её пальцем.

Вода была тёплой.

Весь вечер она пыталась работать, но не могла сосредоточиться. Внутри рукописи обнаруживались вещи, которые не имели отношения к тексту: засохший лист рябины, билет на трамвай без номера, детская пуговица, кусочек синей ленты.

И ключ.

В девять часов Ева заперла мастерскую и поднялась домой. Квартира находилась этажом выше — на четвёртом. Она жила там одна, если не считать старого кота Философа, который принадлежал прежней хозяйке и после её смерти решил, что теперь принадлежит Еве.

Кот встретил её у двери, посмотрел на ключ в руке и зашипел.

— Ты его тоже знаешь? — спросила Ева.

Философ отвернулся и ушёл на кухню.

Ночью Ева проснулась от звука падающей воды.

Она села на кровати.

В квартире было темно. За окном дождь стучал по подоконнику, но звук доносился не с улицы. Он шёл снизу.

С третьего этажа.

Три удара.

Пауза.

Три удара.

Ева включила свет и посмотрела на часы: 3:19.

Она накинула халат, взяла ключ и вышла в подъезд.

Лестница была освещена только на втором этаже. Лампочка над третьим перегорала уже несколько месяцев, и управляющая компания обещала заменить её «в ближайшее время». Ева поднялась в темноте, держась за перила.

На площадке было холоднее, чем в остальном доме.

Она увидела дверь.

Её раньше здесь не было.

Дверь стояла напротив мастерской, между окном и стеной. Узкая, белая, с облупившейся краской. Над ручкой висела маленькая медная табличка:

3Б

Ева знала этот дом. В нём не было квартиры 3Б. На третьем этаже находились только мастерская и две квартиры — 3 и 4. Всё остальное пространство занимала лестничная клетка.

Она провела ладонью по двери.

Дерево было влажным.

Изнутри донёсся шорох.

Ева вставила ключ в замок.

Он подошёл.

Дверь открылась сразу, будто её ждали.

За дверью находилась детская комната.

На стенах были голубые обои с маленькими жёлтыми звёздами. У окна стояла деревянная кровать. На подоконнике — стеклянная банка с засохшими ветками. На полу лежал красный ковёр, истёртый посередине.

Комната казалась знакомой.

Не просто знакомой — своей.

Ева вошла и почувствовала запах пыли, яблочного мыла и мокрой шерсти. Такой запах бывает в комнатах, где давно никто не живёт, но вещи всё ещё ждут хозяина.

На кровати лежала девочка.

Еве было десять лет.

Она спала, отвернувшись к стене. Светлые волосы рассыпались по подушке. На запястье была повязана синяя лента.

Ева не закричала.

Она уже видела невозможное — трамвай без номера, женщину, которая умерла двадцать лет назад, письмо с датой из будущего. Но встретить себя в десять лет оказалось страшнее всего.

Девочка зашевелилась.

— Не включай свет, папа, — пробормотала она.

Ева посмотрела на потолок. Лампочка под абажуром не горела, хотя комната была залита бледным светом.

— Я не папа, — сказала она.

Девочка открыла глаза.

Они были такими же, как у Евы: серыми, слишком внимательными для ребёнка.

— Тогда ты уже забыла?

— Что?

Девочка села на кровати и подтянула колени к подбородку.

— Он сказал, что ты забудешь. Сказал, так будет легче.

Ева почувствовала холод под рёбрами.

— Кто сказал?

Девочка посмотрела на дверь.

— Папа.

За стеной снова постучали.

На этот раз не шесть раз, а один.

Ева обернулась.

В коридоре никого не было. Но на полу появилась мокрая дорожка — от порога до стены напротив. Следы маленьких детских ног.

— Ты должна уйти, — сказала девочка.

— Почему?

— Потому что он скоро придёт.

— Кто?

Девочка нахмурилась, будто Ева задавала глупый вопрос.

— Тот, кто забирает имена.

Ева хотела подойти к кровати, но пол под ногами качнулся. Комната стала длиннее. Окно отдалилось, потолок поднялся, голубые обои потемнели.

На стене появилась надпись, сделанная детским почерком:

ЕВА ЛАНСКАЯ НЕ ДОЛЖНА ВСПОМНИТЬ

Ниже было приписано:

ПОКА ГОРОД НЕ ЗАКОНЧИТ РАССКАЗ

— Что это значит? — спросила Ева.

Девочка уже не смотрела на неё. Она держала в руках маленький деревянный ящик.

— Возьми.

Ева подошла.

Крышка ящика была перевязана синей лентой — такой же, как на запястье девочки. Ева развязала узел. Внутри ле-

жали три вещи: фотография, трамвайный билет и отцовские часы.

Фотография была чёрно-белой. На ней стояли трое: молодая женщина, мужчина лет сорока и девочка между ними. Мужчина держал девочку за плечо. Женщина улыбалась, но её лицо было зачёркнуто чёрными чернилами.

На обороте фотографии было написано:

Если Ева спросит о матери, скажи, что её не было.

Ева перевернула билет.

Маршрут номер семь. Дата — 19 октября 2006 года.

Те же сутки, о которых писала Лидия.

Отцовские часы показывали 6:05.

Стрелки не двигались.

— *Почему вы всё спрятали? — спросила Ева.*

Девочка посмотрела на неё.

— *Чтобы ты могла вырасти.*

— *А если я не хочу?*

— *Уже поздно.*

Дверь за спиной Евы начала закрываться.

Она бросилась к выходу, но успела услышать, как девочка сказала:

— *Не верь тому, кто напишет последнюю страницу.*

Дверь захлопнулась.

Ева оказалась на лестничной площадке. Напротив была обычная кирпичная стена. Никакой двери. Никакой таблички. Только старая паутина в углу и тусклая лампочка, кото-

рая мигала, собираясь перегореть.

В руке Ева держала деревянный ящик.

На четвёртом этаже Философ громко мяукнул.

Ева вернулась в мастерскую и положила найденные вещи рядом с рукописью. Кот вошёл следом, понюхал фотографию и лёг на неё лапой.

Ева включила настольную лампу.

На чистом листе бумаги сами собой проступили слова.

Сначала одна строка:

У каждой семьи есть комната, куда не пускают детей.

Потом вторая:

У каждой памяти есть дверь.

Ева сидела неподвижно, пока чернила не высохли.

После этого она достала фотографию и долго рассматривала зачёркнутое лицо женщины.

Ей казалось, что если провести пальцем по чёрным чернилам, лицо проявится. Она почти видела его: светлые волосы, тонкую шею, родинку возле губ.

Но не могла вспомнить имя.

В семь утра Ева позвонила отцу.

Он не отвечал.

Она позвонила ещё раз.

На третий звонок в трубке раздалось дыхание.

— *Папа?*

Молчание.

— *Ты когда-нибудь рассказывал мне о маме?*

Дыхание стало тяжелее.

— Ева, — сказал отец наконец. — Где ты нашла часы?

Она посмотрела на деревянный ящик.

Стрелки часов сдвинулись.

Теперь они показывали 6:06.

— Я нашла комнату, — ответила Ева.

На другом конце провода что-то упало.

— Какую комнату?

— Ту, которую ты запер.

Отец долго молчал.

А потом сказал:

— Я запер не комнату.

За окном мастерской прошёл трамвай. На этот раз у него был номер — семь.

— Тогда что? — спросила Ева.

Отец ответил не сразу.

— Я запер тебя.

Связь оборвалась.

Ева сидела в тишине, пока в рукописи не появилась новая страница.

На ней было всего одно предложение:

Следующий артефакт ждёт тебя там, где город впервые произнёс твоё имя.

Под предложением стояла дата:

19 октября 2006 года.

Рассказ третий. Человек без тени

Ева начала с почерка.

Фраза «Не верь тому, кто напишет последнюю страницу» была выведена на внутренней стороне двери детской комнаты. Буквы казались детскими, но слишком ровными. Ребёнок мог бы написать их, если бы долго тренировался, а человек, который хотел притвориться ребёнком, — если бы не знал, как выглядит детская ошибка.

Ева разложила перед собой три образца.

Первым была надпись на стене. Вторым — короткое предложение, появившееся на чистом листе рукописи ночью. Третьим — подпись на обороте старой фотографии, найденной в деревянном ящике.

Она увеличила изображения под лупой.

Чернила на двери были густыми, почти чёрными. На бумаге — серо-синими. На фотографии — выцветшими, с коричневым оттенком. Но нажим пера совпадал: сильнее на первых буквах, слабее в конце строки. Особенно заметно это было в букве «т».

Один и тот же человек писал все три текста.

Или один и тот же человек хотел, чтобы Ева так думала.

Она достала из шкафа папку с документами отца. Отец никогда не выбрасывал бумажные вещи: чеки, старые дого-

воры, записки из поликлиники, квитанции за электричество. Он говорил, что бумага помнит лучше человека.

В папке нашёлся лист, которого Ева раньше не видела.

Это был бланк городского архива. Вверху стояла дата: 21 октября 2006 года. Ниже — список переданных на хранение материалов.

В графе «Содержание» значилось:

Личные записи. Один том. Автор не установлен.

В графе «Передал» была подпись отца.

В графе «Получил» — имя архивиста: Михаил Аркадьевич Руднев.

Ева знала это имя.

Михаил Руднев был заведующим отделом рукописей в городском архиве. Он умер в 2014 году, но его портрет до сих пор висел в читальном зале: худое лицо, узкие очки, тёмный костюм и выражение человека, который больше доверяет мёртвым, чем живым.

Ева позвонила в архив.

— Вы хотите посмотреть материалы Руднева? — переспросила женщина на другом конце провода. — Но это закрытый фонд.

— На каком основании?

— В завещании указано: не выдавать до 19 октября 2046 года.

Ева посмотрела на часы.

Было 19 октября 2026 года.

— А если часть материалов уже у меня?

В трубке стало тихо.

— Тогда вам лучше не приходить, — сказала женщина.

— Почему?

— Потому что вчера кто-то уже спрашивал о вас.

Связь оборвалась.

Ева не перезвонила. Она надела пальто, убрала фотографию и трамвайный билет в сумку и вышла из мастерской.

Город был пасмурным. После ночного дождя улицы блестели, как будто их покрыли тонким слоем лака. Трамваи шли по рельсам с тяжёлым металлическим звуком. На остановке у реки Ева заметила мужчину в сером пальто.

Он стоял под фонарём.

У всех прохожих были тени. У мужчины — нет.

Сначала Ева решила, что ошиблась: свет падал под углом, асфальт был мокрым, вокруг двигались люди. Но мужчина стоял неподвижно, и пространство у его ног оставалось чистым.

Ева остановилась.

Мужчина повернул голову.

Ему было около пятидесяти. Волосы почти белые, лицо гладкое, без единой примечательной черты. Он мог бы оказаться врачом, преподавателем, кассиром в супермаркете. В нём не было ничего такого, что позволило бы запомнить его после случайной встречи.

Кроме отсутствия тени.

Мужчина поднял руку и показал Еве на трамвай, приближающийся к остановке.

Номер семь.

Ева не успела решить, хочет ли она бежать или остаться, потому что двери трамвая открылись. Мужчина вошёл первым.

Она вошла следом.

Внутри было почти пусто. Мужчина сел в конце вагона, у окна. Ева осталась у дверей. Между ними стояла женщина с пакетом яблок, но отражения мужчины в стекле не было.

Трамвай тронулся.

— Вы меня знаете? — спросила Ева.

Мужчина смотрел в окно.

— Я знал вас, когда вы ещё не умели читать.

— Вы работали в архиве?

— Иногда.

— Вы Михаил Руднев?

— Это имя мне давали на время.

Ева сжала ремень сумки.

— Кто вы?

Мужчина улыбнулся.

— Вы задаёте не тот вопрос.

— А какой нужно?

— Кто пишет?

Трамвай проехал мимо старого вокзала. В окне на секунду отразилась детская комната: голубые обои, красный ковёр,

кровать у стены. Потом отражение исчезло.

— *Кто пишет последнюю страницу? — спросила Ева.*

Мужчина кивнул.

— *Вот теперь правильно.*

— *Вы?*

— *Я никогда не пишу последним.*

— *Тогда кто?*

Он достал из внутреннего кармана маленький блокнот. Обложка была чёрной, на углу виднелась царапина в форме буквы «Л».

Ева узнала её.

Такую же она видела на латунном ключе.

— *Где вы это взяли?*

— *Вам оставили.*

— *Кто?*

— *Тот, кто не смог остаться.*

Ева выхватила блокнот. Мужчина не сопротивлялся.

Внутри были короткие записи, сделанные разными почерками. Некоторые строки были перечёркнуты, другие обрывались на полуслове.

Николай увидит Лидию у вокзала.Ева найдёт ключ между страницами.Комната откроется в 3:19.Отец солжёт.Архивист не должен...

Последняя строка обрывалась.

Ева перевернула страницу.

Там был нарисован круг, перечёркнутый двумя парал-

лельными линиями. Под ним стояла дата: 19 октября 2046 года.

— *Что это означает?*

— *Городской знак.*

— *Для чего?*

— *Чтобы помнить дорогу.*

— *Куда?*

— *К последней странице.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.